

Газетный бунтарь Иван Белококонский

Алексей Кондратенко

Наиболее крупный очерк «промышленной серии» в книге Белококонского «Деревенские впечатления» — «Край «долбни» и «картошки» — посвящен Мальцевскому промышленному району (располагался на стыке Орловской и Калужской губерний).

Крах мальцевских заводов

Вначале автор поясняет названия: картошка и долбня (обрубленное полено, которым вбивают клин в надрубленное дерево) служат средством выживания населения, которое в период экономического кризиса может рассчитывать только на свои огороды и на поденщину во время заготовок леса. Восхищаются Белококонского знаменитые брянские леса, которые, как он сообщает читателю, упоминаются в сказках и о которых славились народные песни. Однако от поэзии скоро переходит к прозе, пытаясь выяснить причины крайней отсталости местного населения. Например, цитируя неназванный официальный источник («крестьяне западной полосы малограмотны, необщительны, весьма ограничены в понятиях, грубы и суровы»), он замечает: «Попадались еще какие-то беллетристические произведения, изображавшие жизнь обитателей некоторых лесных районов, но, как я убедился, пользоваться такими источниками довольно опасно. В конце концов пришлось ехать, как говорится, с пустыми руками и изучить все самому... В одну обратительную осеннюю ночь 1893 года я не без сожаления оставил прекрасный вагон поезда Орловско-Витебской железной дороги и очутился на полутемной Мальцевской платформе, находящейся в трех верстах от станции Брянск по направлению к Витебску».

Белококонский подробно описывает, как стываются приход и отправление поездов, как пассажирам приходится идти эти три версты пешком, а потом до утра измерять шагами «деревяную, скользкую от моросившего осеннего дождя платформу».

Очерк Белококонского просто перенасыщен духом неприятия, полемикой, которая, увы, актуальна и сегодня: «Прочав только одну станцию, я понял всю прелесть «самобытности» и «народности», за которые так восхваляли Мальцева: построив-

шего, как говорят, всю свою дорогу «собственными средствами», ничего не взяв от гнилого Запада, даже не пользуясь услугами инженеров, не только западно-европейских, но и русских. И что же случилось? По-моему, страшная нелепость. Я глубоко убежден, что постройка дороги обошлась не дешевле, чем если бы ее строить по образцу общепринятому, европейскому, и дорога вышла совсем плохая. И европейская постройка несколько не исключала бы «народность». Следовало лишь «своим крестьянам», фигурировавшим в качестве строителей и администраторов, дать настоящее европейское образование, а не то полуобразование, даже менее, которое они получили в мальцевских учебных заведениях, выпускавших, конечно, нигде не пригодных «инженеров», «машинистов», «телеграфистов» и всяких служащих, изготовлявшихся по одному рецепту, а специализированных по приказу хозяина: кого куда назначат, тем тот и был».

Очеркист описывает крайне тяжелый труд стеклодувов — «халыных мастеров», которые выдували огромные стеклянные цилиндры: «Дутье халыны — работа поистине каторжная, производящаяся — возле расплавленной массы, раскаленных печей, в страшно высокой температуре». За каждую халыну они получали 1,5 копейки. Рабочая смена продолжалась 12 часов, затем сутки отдыха. Даже при беспрепятрном дутье мастер не мог изготовить более 100 деталей в день».

Далее снова следует описание брянских лесов, убогих деревень. Ужасающая бедность Выгошинского, Петровского заводов и Маховой Гуты подтверждается цифрами: «Из Маховой Гуты разошлось в разные стороны 26 процентов всего населения, из Вытоши 45 процентов, а из Петровского завода — 50 процентов».

На этом фоне вполне резонно звучит заключение Белококонского о настоятельной необходимости объективного изучения ситуации: «Обращаясь к причине краха мальцевских вла-

Белококонский Иван Петрович (1855-1931) — русский журналист, писатель, редактор и революционер.

дений, невольно бросается в глаза внезапность и неожиданность этого печального события... Вот в полном неведении и кроется бедствие. Много было похвал и ни одного настоящего исследования! Если бы обширный край этот был изучен, быть может, не трудно было бы предупредить беду, но этого сделано не было».

Капиталистическое предприятие

Симпатии Белококонского были обращены в сторону индустрии нового типа, которую представляло детище Петра Губонина — Брянский рельсопрокатный завод. Впечатляло даже то, что предприятие было построено на болоте, в явно невыгодных условиях по сравнению с мальцевскими заводами, обеспеченными всем необходимым, — это неудобство со временем было компенсировано тем, что брянский завод стал получать по железной дороге с Украины руду, а затем там же, на Украине, были построены рельсопрокатный и чугунолитейный заводы акционерного общества «Брянский завод».

В описании гиганта литератор не жалеет красок: «Проезжая по Рыго-Орловской железной дороге темной ночью возле станции Бежича, нельзя не обратить внимание на довольно сильный свет, проникающий в вагон... Из высоких труб и доменных печей поднимаются голубоватого цвета огненные языки, освещая

значительное пространство, на котором выступают темные силуэты больших зданий. Это — Брянский рельсопрокатный завод, одно из громаднейших и богатейших предприятий в целой России. Оно поставлено на совершенно европейский началах и представляет единственное в Брянском уезде, в строгом смысле слова, капиталистическое предприятие, резко отличающееся от строя мальцевского хозяйства».

Белококонский особо отмечает не только индустриальную мощь, но и прогресс в социальной сфере: «В новом промышленном центре имеется пять школ, библиотека, клуб, магазины, выписываются в значительном количестве газеты, журналы, устраиваются народные чтения с туманными картинками (Белококонский был одним из энтузиастов народных чтений в Орле. — А.К.), имеется больница, организовано общество потребителей».

Белококонский, столь ярко описавший невзгоды рабочего класса, самой логикой повествования вынужден предположить свой рецепт выхода из социального кризиса: «наделение рабочего населения землей и возможно полное регулирование заводского труда».

Радикальные журналисты «Орловского вестника»

На волне общественного подъема, толчком к которому послужила помощь интеллигенции пострадавшему от голода крестьянству, у орловских прогрессистов рождались новые идеи и инициативы. Белококонский вспоминал об этой поре: «Издательница газеты Семёнова сошлась с очень живым и общественным молодым человеком Сентяниным. С последним я вступил в переговоры об отдаче газеты в руки группы лиц, которые будут вести ее литературную часть. Семёнова и Сентянин согласились на это. Тогда редакция образовалась из меня, инженера путей сообщения Н.Ф. Королёва, занимавшего крупную должность на Рыго-Орловской дороге, талантливого юриста А.Н. Рейнгарда и А.В. Пешехонова».

За поддержкой проекта — создать провинциальные «Русские ведомости» — Белококонский обратился к писателям В.Г. Короленко, С.Я. Елпатьевскому, И.Ф. Анненскому. Все трое согласились присылать статьи в Орел. Однако 9 октября 1893 года Короленко писал Белококонскому: «Ни я, ни Анненский, ни Елпатьевский не имеем ничего против сотрудничества «в принципе», но скоро осуществить его не можем... Но если уж Вам хочется поставить наши фамилии в проспекте, в числе других сотрудников для заявления о новой окраске газеты, — извольте!».

Инициативная группа пошла куда дальше просветительства комитета народных чтений. И полиция стала грозить Семёновой всяческими карами, в случае если она не найдет управу на радикальных журналистов, которые хотели превратить «Орловский вестник» чуть ли не в орган революционной демократии. Губернатор П.В. Неклюдов вызвал к себе Сентянина и при-

грозил закрытием газеты, если он не найдет управу на радикальных журналистов.

Представить только, скольких слез стоила такая драматическая развязка для Надежды Семёновой! Ее гражданский муж Василий Сентянин, занимавший скромную должность делопроизводителя в железнодорожном управлении, вынужден был написать встревоженное письмо не на шутку развернувшимся поборникам гласности: «Надежда Алексеевна смотрит на дело издания газеты как на единственный источник существования... она страшно смущена опасностью, так как что-то уж очень много толкуют о закрытии. Я не думаю, что бы Вы могли этим обидеться, и предоставляю Вам право действовать как найдете удобным, то есть желаете ли поместить текст в газете от отказа, только, конечно, просил бы писать его не в обидном для редакции духе, сделать ли это каким-либо другим путем — мне все равно. Надеюсь, что это обстоятельство не послужит к полному разрыву между нами, и мы останемся прежними хорошими знакомыми».

Финал истории описал сам Белококонский: «Нашей компании не оставалось ничего более, как уйти из «Орловского вестника», что мы и сделали. Это произошло в конце первой половины 1890-х годов и совпало с провалом партии «Народное право», некоторые члены которой принимали близкое участие в газете».

С 1896 года Белококонский жил в Курске, затем в Харькове. Был постоянным сотрудником «Русских ведомостей», «Сына Отечества», печатался в «Русском богатстве», «Русской мысли», «Вестнике Европы» и других изданиях. Выступил в роли автора и составителя почти полсотни книг. В его произведениях для нас осталось немало живых страниц об Орле и «Орловском вестнике» конца XIX века.